

ВМЕСТЕ

Когда в классе мастер

ФОТОГРАФИИ ВЛАДИМИРА КОРЕВИЦЫНА

В Москве прошли мастер-классы для молодых музыкантов, художников и вокалистов Союзного государства.

Михаил Ломоносов, сын рыбака из деревни Мишанинской, стал действительным членом Санкт-Петербургской Императорской академии наук. Сергей Есенин – проделал путь от ученика церковно-приходской школы в Спас-Клепиках до звезды русской поэзии XX века. И таких самородков из глубинки, вознесшихся «через тернии» – к звездам, сотни. Но всякий ли встретит свой счастливый «рыбный обоз»? Как и 100 лет назад, пробиться молодому дарованию из провинции нелегко. Но можно получить ценную помощь, подсказку, а если постараться – шанс поступить в учебное заведение, которое откроет дорогу к заветной цели. Такую возможность заявить о себе, продемонстрировать свои таланты и поучиться у мастеров предоставляет молодым Союзное государство.

Каждое лето на базе Центральной музыкальной школы (ЦМШ) при Московской консерватории имени П.И. Чайковского в Москве проходят мастер-классы «Союзное государство – молодым талантам XXI века». Учащиеся музыкальных и художественных учебных заведений России и Беларуси, победители городских и региональных конкурсов, приезжают в Москву, чтобы поучиться у знаменитых педагогов. Учредителями мастер-классов выступают Постком Союзного государства, Минкультуры РФ и Минкультуры Республики Беларусь. Организаторы – Международный культурный центр (Москва) и отдел по работе с талантливой молодежью Белорусского государственного университета культуры (Минск).

Мастер-классы проводятся с 2004 года. За 10 лет их участники стали лауреатами международных конкурсов, студентами Московской консерватории и Белорусской академии музыки, а также солистами Молодежного

белорусско-российского симфонического оркестра. Слава об оркестре гремит на всю Европу: Германия, Италия, Великобритания и многие другие страны рукоплескали молодым талантам. В этом году, по традиции, среди педагогов – заслуженные и народные артисты, профессора и преподаватели Московской консерватории, ЦМШ, Московского художественного института им. В.И. Сурикова.

– Мастер-классы позволяют сохранять традиции совместной подготовки будущих музыкантов и художников, – подчеркнул начальник отдела Департамента социальной политики и информационного обеспечения Посткома Союзного государства Иван Янович. – Хорошо бы про-

В этом году в мастер-классах впервые принимали участие ребята из Республики Крым

водить подобные мероприятия для будущих профессионалов и в других областях, это поможет развитию нашего общего социального пространства. Стремимся охватить как можно более широкий спектр культурных взаимосвязей наших стран – проводим фестивали «Славянский базар в Витебске», «Творчество юных» в Анапе и многое другое. Сегодня особенно остро ощущаешь, как важно быть вместе. И дружба ребят, зародившаяся на мастер-классах, возможно, станет еще одним ценным звеном в нашем единстве.

Возраст участников – от 12 до 19 лет. Беларусь в этом году представляли ребята из Гродно, Минска и Могилева. Россию – из 11 городов, в том числе из Санкт-Петербурга, Перми, Калининграда, Ростова-на-Дону, Симферополя. Что может быть лучше, чем практика на природе? Для юных художников незабываемыми стали пленэры в музее-заповеднике «Коломенское», где они запечатлели памятники русской архитектуры XVI-XVII веков, и в Спасо-Андрониковом монастыре, где творил великий

и графиков. Класс по специальности «изобразительное искусство» вел профессор кафедры рисунка Николай Дубовик. 21 августа в стенах ЦМШ его подопечные представили выставку своих работ.

– Конечно, картины во многом наивны. Но это первые шаги, и мы продолжаем воспитывать юные таланты, стараясь сделать это компетентно и деликатно, – говорит Николай Дубовик. – Беларусь присылает на мастер-классы хорошо подготовленных детей, видно, что там проводят серьезный отбор претендентов.

Осматривая выставку, поражаешься, как даже самым юным художникам удаются непростые пейзажи, жанровые сцены.

– В этом году в мастер-классах впервые принимают участие ребята из Республики Крым. С ними мы познакомились на пленэре для юных художников в Витебске, – рассказала Ольга Спиридонова, главный эксперт Международного культурного центра.

Не менее яркие впечатления остались у юных музыкантов и вокалистов. 16-летний виолон-

челист Станислав Ольшеский приехал из Минска. «Это необычное для меня мероприятие, узнаю много нового, – делится он впечатлениями. – Признаюсь, в младших классах мне не нравилось занятия музыкой, но потом я полюбил виолончель, и моим кумиром стал Мстислав Ростропович. Мне нравятся сюиты Баха в его исполнении. И свое будущее связываю с музыкой».

Заглянем в класс виолончелистов. «Нервное напряжение должно вам помогать, не позволяйте ему овладеть вами. Помните, что говорил Пушкин устами Евгения Онегина: «Учитесь властвовать собой», – так наставляет своих учеников профессор Московской консерватории, заслуженный артист России Кирилл Родин. У Кирилла Владимировича отличное чувство юмора, занятия в его классе проходят в такой позитивной обстановке, что даже печальное «Адажио» Альбинони, кажется, звучит не так грустно.

Руководителя эстрадного оркестра «Данс-ленд», заслуженного артиста РФ Семена Мильштейна называют «золотой трубой России». Под его руководством молодые трубачи осваивают сложнейшие произведения, а также учатся импровизировать на заданные темы. И, как всегда, пока ребята учились, педагоги, сопровождающие их, обменялись опытом и обсудили перспективы развития художественного и музыкального образования в рамках «круглых столов» и открытых уроков.

Татьяна СЕРГЕЕВА

ГОСТЬ «СВ»

Возвращение Караченцова

Осенью на экраны выйдет первый фильм Александры Бутор на «Беларусьфильме» – «Белые росы. Возвращение».

Это продолжение легендарного советского фильма с участием Николая Караченцова. Появится Николай Петрович и в этой картине – впервые после автомобильной аварии, в которую попал 9 лет назад.

– Александр, вы родом из Северной Осетии, а как оказались в Беларуси?

– Моя мама – осетинка из горного аула. Папа – белорус, служил в Северной Осетии в армии, и, встретившись с мамой, остался там жить. В Северной Осетии родились я и два моих брата. Когда мне было три года, родители переехали в Беларусь. Мама всегда мечтала жить в этом краю. Папа построил большой дом в городе Заславье под Минском и переехал туда.

– Не так часто встретишь женщину–режиссера, что повлияло на выбор вами профессии?

– Не помню, чтобы любила что-то больше, чем кино. Росла на фильмах Нечаева, позже в моей жизни появились картины Рязанова, Данили, очень нравились ранние работы Михалкова. К тому же родители были небезразличны к искусству: папа писал стихи, мама много читала. Видимо, творческое начало передалось мне с генами.

– Начинали вы на телевидении, потом поступили на «режиссуру кино», много ли различий в работе?

– Законы драматургии одни и те же, но на телевидении работаешь, как на конвейере. Постоянно должен выдавать информацию, творчество уходит на второй план. А кино – это творчество.

– Когда вы приступили к съемкам фильма «Белые росы. Возвращение», многие не верили, что у вас что-то получится...

– К предложению отнеслась спокойно. Больше волновались люди, работавшие со мной на студии, потому что не знали моей творческой биографии. А у меня был опыт работы на больших игровых проектах – три музыкальных фильма на телеканале ОНТ, много клипов. Для меня съемочная площадка была родным домом. Поэтому не скажу, что растерялась. Просто не могла поверить, что мне доверили такой материал.

– Одним из сюрпризов новых «Белых рос» станет возвращение на экраны Николая Караченцова. Кто настоял, чтобы он появился в картине?

– Я и настояла. Жена Караченцова и он сам отнеслись к предложению как к подарку. А «Белые росы» – один из любимых фильмов Николая Петровича. Он как увидел осветительные приборы, камеру, хлопушку, заплакал... Правда, сниматься в запланированный день Караченцов не смог, вынужден был отправиться на лечение в Китай. И мне стоило больших усилий выбить дополнительный съемочный день и все-таки снять его по возвращении.

– Кого играет Николай Караченцов?

– Того же Ваську Ходоса, что и в первом фильме. Эпизод в финале. В 90-е годы Маруся отправила мужа на заработки. Он уехал и пропал на долгие годы. А Маруся поняла, как сильно любит его и что любовь дороже денег. И вот после долгих скитаний по свету Васька возвращается домой. В том же костюме, с той же гармошкой.

Роль была без слов. Но Николай Петрович произнес: «Это я, Маруся. Я пришел». Услышав это, заплакала вся группа. Оказывается, Караченцов не раз предлагали что-то сыграть, роли специально писали, но, по словам жены, столь деликатного эпизода, где он мог выглядеть достойно, еще не было.

– Картину сдали – вздохнули спокойно?

– Как ни удивительно, картина меня отпустила быстро. Может, потому, что я должна была

начинать новый фильм – «Сладкое прощание Веры». Но открыла сценарий и поняла, что его нужно дорабатывать. Мы писали его с соавтором Юлей Гирель год назад, а за год столько всего переживешь, что написанное кажется эмоционально ветхим. И хотя я еще была погружена в «Росы», уже думала о сценарии. И в последний день озвучивания поняла, что нужно сделать с «Верой». В ту же ночь села за сценарий. Работа над «Росами» для меня закончилась.

– Что это будет за фильм?

– Психологическая драма, в которой все построено на тончайших чувствах и переживаниях. Это фильм о духовной любви между пожилой женщиной и молодым человеком, которого она заранее попросила организовать свои похороны. Весь мир закован в какие-то рамки – этого нельзя делать, того нельзя любить, что скажут люди!.. Наши персонажи пытаются прорваться сквозь эти комплексы.

– Почему двух героев играют литовские актеры – Юозас Будraitис и Неле Савиченко-Клименце?

– Будraitис снимается в кино всю жизнь. И у нас был прекрасный опыт работы с ним в «Белых росах». А Неле мне посоветовал Юозас, когда я рассказывала ему о сценарии. Он спросил, какая мне нужна героиня. Я ответила – как Мерил Стрип. Он сразу же назвал Неле. Сегодня, снимая ее в главной роли, каждый день мысленно благодарю Юозаса за эту актрису.

– Есть ли планы на будущее?

– Очень хочу снять фильм о

войне. Но не о той, которую показывают в картинах, снятых к 9 Мая. Когда мужчины снимают про войну, появляется ощущение, что они в войнушку в детстве не наигрались. Мне же интересна психологическая сторона – что было внутри у людей, до какого предела доходила боль, которую они выдерживали, что ими двигало, как страдания, грязь, кровь, ужас отражались на них. Эти вопросы во мне просто кричат, потому что я против войны, и мне больно за нынешних людей, которые не вынесли никаких уроков из прошлого и продолжают стрелять друг в друга.

– Как относитесь к спецэффектам в кино?

– Нормально. Если они качественные и драматургически оправданы. Мне понравились, как показаны первые минуты войны в фильме Игоря Угольникова «Брестская крепость». Режиссер мог снять просто бомбежку, взрывы, пылающие дома... Но он показывает сонных людей, в пижамах выбегавших из домов и не понимающих, что происходит. Когда война показывается через эмоции людей, это работает по-другому.

– Профессия режиссера не из легких, семья одобряет ее?

– Привыкли и относятся к моей работе с пониманием. Единственное, от чего страдают муж с дочерью, так это от моих постоянных рассказов о съемках. У меня почти площадки накаливаются столько эмоций, что сдержат их невозможно.

Людмила МИНКЕВИЧ

Кадр из фильма «Белые росы. Возвращение»

ИСТОКИ

Ренессанс фольклора

Рижского этнографа Сергея Оленкина в России считают одной из самых значимых фигур фольклорного движения.

Педагог-подвижник сумел докопаться до пластов архаической традиции и продолжить живую традицию русской музыкальной культуры. Он провел множество экспедиций в восточные районы Латвии – в Латгалию, где проживают русские и белорусы, создал уникальный Центр фольклорной педагогики «Традиция», Студию аутентичного фольклора «Ильинская пятница», которая кроме множества детских групп занимается одноименным ансамблем.

Первыми «фольклорными экспедициями» Сергея стали летние поездки к бабушке на хутор в деревушку Каплава Краславского района Латгалии. Песен там не пели, зато говорили на колоритном белорусском диалекте. Серьезное увлечение фольклором пришло позднее, когда услышал по радио песню севернорусского этнографического ансамбля. Стал слушать этно-музыку, покупать пластинки, разучивал по записи песни. На Ленинградском фестивале молодежных фольклорных ансамблей России познакомился с единомышленниками. Ездил к ним в Ленинград, Москву, Вологду, Екатеринбург. В декабре 1988 года поехал в первую экспедицию в Латгалию. Оттуда попал на север Вологодской области, в Нюксеницы. Вернувшись в Ригу, создал ансамбль в музыкальном училище, просуществовавший до 1991 года. Оленкин уже знал, что в русской среде

в Риге свою этническую культуру отвергают, а к латышской чаще всего относятся свысока. И понимал – надо что-то делать.

– И вы начали с занятий с детьми?

– Да, я пришел в Рижскую русскую гимназию, сейчас она преобразована в Гривинькалнскую школу имени Гердера. Занимаясь с подростками и с первоклассниками. Мало-помалу у меня выработалась методика обучения пению. Я не хотел просто петь народные песни. Меня волновало то, как сохранить подлинную певческую традицию. И мы с самого начала стали развиваться в этом направлении. Из наиболее талантливых и активных детей создали ансамбль «Ильинская пятница», с которым в 1989 году заняли первое место на Всероссийском смотре-конкурсе детских, юношеских фольклорных ансамблей России этнографического направления. С 2002 по 2008 год ездили на фестивали в Подляшье – регион в Польше, где живут белорусы. В город Бельск-Подляский. Там я провел несколько мастер-классов, и мы создали Белорусский ансамбль.

Несколько лет подряд ездили в Клайпеду. Только что вернулись в Ригу, создал ансамбль в музыкальном училище, просуществовавший до 1991 года. Оленкин уже знал, что в русской среде

давно из оргкомитета Этномузыкальной премии мира у нас запросили одну из записей, распространенных в Интернете, на конкурс. И мы вошли в тройку лучших. В ансамбле «Ильинская пятница» (см. фото) сейчас несколько девочек двенадцати лет и взрослая девушка. Недавно к нам присоединилась еще одна женщина-латышка.

– Есть ли отличия в пении латгальских белорусов и белорусов по ту сторону границы? Возможно, язык отличается?

– Отличия есть, но несущест-

венные. В Латгалии более многонациональный состав населения. Там жили и латгалцы, и литовцы, и евреи, много русских. В Белоруссии в селах больше живет белорусы. Там большие села, а не хутора, как в Латвии. Когда люди живут компактно, традиции сохраняются лучше. По-настоящему крепкие ансамбли мне удалось найти в Белоруссии. На территории Латгалии я записывал ансамбли максимум из двух человек, а в основном одиночных исполнителей. Вообще в экспедициях я собрал уникальный ма-

териал. Работал с латгальскими белорусами, русскими староверами и православными – жителями псковско-латвийского приграничья.

– Сохранились ли в своей чистоте белорусский язык в Латгалии?

– Нет. Дело в том, что большинство белорусов, с которыми я работал в Латгалии, католики. Православные петь прекратили быстрее. Я даже вышел на православных белорусов, которые приехали в Ригу из Лудзенского района, договорился о встрече, но через пару недель одна из бабушек умерла.

Несколько лет назад, проработав более 20 лет как практик, я попробовал обобщить опыт. Стал читать книги по акустике, съездил к профессору Вильнюсской консерватории Ритису Амбразевичусу. В общем, провел исследование звука и вокальной техники в белорусских обрядовых песнях. Подключил материал народного лирического и знаменного пения латгальских староверов. И присоединил звучащие непрофессиональные городские хора. На материале этих трех групп я написал книжку. Опубликовал статьи в Интернете, и мне предложили рассказать об этих исследованиях в Гнесинской музыкальной академии в Москве. Прочитал доклад на конференции, написал статью для «Вестника этномускознания».

– В каких областях Белоруссии вы побывали с экспедициями?

– В Верхнедвинском районе Витебской области. То есть я хо-

дил по Латгалии, и если мне говорили, что за границей поют, переходил границу, когда это было еще возможно. Несколько лет назад вместе со студенческим этнографическим обществом из Минска в одном из сел, где я писал материал, мы провели обряды Купалы – пели песни, записанные когда-то в этом селе. С ансамблем бывали в Минске. И в 1994 году в Риге, на юбилее знаменитого собирателя белорусских песен в Латгалии Сергея Сахарова, нашим пением был впечатлен руководитель одного из белорусских обществ – ученый Николай Ярчак. Он свозил нас на съезд белорусов «Бацькаўшчына» в Минск. Мы выступили в

что в это время начинает цвести рожь.

– Многие латвийские русские не знают своих культурных традиций и теряют корни, что скажете по этому поводу? Или все это наблюдается и в России?

– В советское время фольклор пытались заменить кич-культурой, созданной на его основе, потому что власти он не устраивал. Подлинная этнографическая культура преобразует человека, раскрывает его глубинные возможности, сознание и самосознание. На фестивалях люди бываю пораженные, насколько молодое, выросшая на фольклоре, отличается от общегородской массы. Но когда молодым подсо-

Не хотелось просто петь народные песни. Меня волновало то, как сохранить подлинную певческую традицию

ведуют культпросветовскую фальшивку, это навсегда отталкивает их от фольклора.

В этом году мы были в Бресте, в белорусском Полесье. В одном из концертов принимали участие этнографические ансамбли. Фантастика! В деревнях не потеряны традиции. И если местным властям удастся наладить работу с молодежью, традиция имеет шанс выжить. В Латвии ситуация гораздо хуже. Русские, да и белорусы, которые здесь живут, приехали из разных мест. Этническая культура их мало объединяет. Для староверов, особенно мест-

выают культпросветовскую фальшивку, это навсегда отталкивает их от фольклора.

В этом году мы были в Бресте, в белорусском Полесье. В одном из концертов принимали участие этнографические ансамбли. Фантастика! В деревнях не потеряны традиции. И если местным властям удастся наладить работу с молодежью, традиция имеет шанс выжить. В Латвии ситуация гораздо хуже. Русские, да и белорусы, которые здесь живут, приехали из разных мест. Этническая культура их мало объединяет. Для староверов, особенно мест-

ных, латвийских, религиозная культура гораздо значимее. В 30-х годах подвижник староверского движения Иван Заволоко пытался устроить фольклорный ренессанс, потому что здесь было много деревенских хоров, состоявших из этнографических исполнителей. И сейчас у рижских староверов просыпается интерес к фольклору.

Мы староверские песни тоже поем. Из России недавно приехал отец Сергей Маднев, староверский священник, они с женой пели духовные стихи, это тоже фольклорный жанр. Но в основном местные русские не хотят ассимилироваться в латышскую среду, но и не хотят быть русскими. Фактически становятся маргиналами.

– Поддерживают ли вас в Латвии?

– Да. Со стороны латышей с самого начала было доброжелательное отношение. Многие латыши у нас учились, например латышский ансамбль «Скандинавские», который создали Дайнис Сталтс и его жена Хельми. Работал я с латышскими ансамблями и как вокальный педагог. Например, с ансамблем «Сауцены». Эти 9 девушек поют гораздо лучше нас, потому что как начали 10 лет назад, в том же составе и работают. Взяли от нас все что могли. Так и должно быть, но с местными русскими и белорусами, к сожалению, контактов никак не наладим. Сколько ни пытались привлечь, отклика пока не получали.

Беседовала Виктория РУДКОВСКАЯ